ИЗ НЕИЗДАННЫХ ТЕКСТОВ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Сообщение Вл. Орлова

I. ОТВЕТ НА АНКЕТУ СОЮЗА ДЕЯТЕЛЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Я должен дать ответ на вопрос, волнующий каждого сознательного русского гражданина: «Что сейчас делать?» Я позволю себе, прежде всего, выяснить мое отношение к этому вопросу.

Во-первых, «сознательный русский гражданин» — термин старый и растяжимый. Все три слова — суть слова-оборотни. Я боюсь оборотней. Чтобы защититься от них, я оговариваю, по крайней мере, одно: «русским гражданином», как понимали это слово старые русские либералы, я никогда не был и не буду, как бы далеко не простерлась травля на мою душу. Я — художник, следовательно, не либерал. Пояснять это считаю лишним, да, кстати, нет и места.

Во-вторых, на вопрос: «что делать», я могу ответить только за художника. На вопрос о продовольствии, о замещении пустующих престолов, о парламентаризме, о дефилировании крестных ходов по проспектам — я отвечать не берусь, хотя мне не хватает хлеба так же, как всем другим.

Тем не менее, я в некотором смысле, как понимаю, «русский гражданин». А так как «слова писателя суть его дела», то я считаю своим долгом ответить на вопрос — не волнующий, а сжигающий меня — что делать сейчас художнику.

1) Художнику надлежит знать, что той России, которая была, — нет и никогда уже не будет. Европы, которая была, нет и не будет. То и другое явится, может быть, в удесятеренном ужасе, так что жить станет нестерпимо. Но того рода ужаса, который был, уже не будет. Мир вступил в новую эру. Та цивилизация, та государственность, та религия — умерли. Они могут еще вернуться и существовать, но они утратили бытие, и мы, присутствовавшие при их смертных и уродливых корчах, может быть, осуждены теперь присутствовать при их гниении и тлении; присутствовать, доколе хватит сил у каждого из нас. Не забудьте, что Римская империя существовала еще около 500 лет после рождения Христа. Но она только существовала, она раздувалась, гнила, тлела — уже мертвая.

2) Художнику надлежит пылать гневом против всего, что пытается гальванизировать труп. Для того, чтобы этот гнев не вырождался в злобу (злоба — великий соблазн), ему надлежит хранить огонь знания о величии эпохи, которой никакая низкая злоба недостойна. Одно из лучших средств к этому — не забывать о социальном неравенстве, не унижая великого содержания этих * двух малых слов ни «гуманизмом», ни сентимен-

* В оригинале (копия на машинке) — очевидная опечатка: «этики». — *Вл. О.*

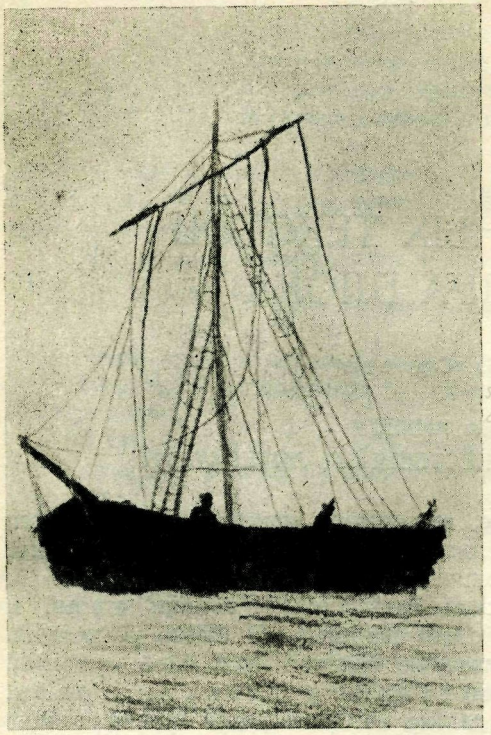

РИСУНОК АЛЕКСАНДРА БЛОКА
Собрание М. А. Бекетовой, Ленинград

тами, ни политической экономией, ни публицистикой. Знание о социальном неравенстве есть знание высокое, холодное и гневное.

3) Художнику надлежит готовиться встретить еще более великие события, имеющие наступить, и, встретив, суметь склониться перед ними.

Александр Блок

13 мая 1918 года

II. АВТОПАРОДИИ

1

За сучок сухой березы месяц зацепился,
Слушает прохожих девок пенье.
Бег минут топочущий вдруг остановился,
Наступило вечное мгновенье.

Вечность ли вздохнула над березами кудрявыми?
Облака прозрачные на закат сбежали.
Синих елок крестики сделались кровавыми,
Крестики зеленые розовыми стали.

Встал я и задумался над ярким мухомором.
Что-ж в груди затеплилось скрытое рыданье?
Мне не стыдно плакать под небесным взором:
В светлом одиночестве сладостно страданье.

2

Мне снилось недавно. Как будто в театральном
Стою я коридоре и во все концы

Идут люди, люди. Отблеском печальным
Озарялись лица и я знал: это мертвецы.

Были шедшие передо мной изящно одеты.
Но мгновеньями из-под причесок сверкали черепа,
Под шубами и ротондами чуялись скелеты,
Шла, говорила, смеялась пестрая толпа.

И я с нею слился, утонул в этом мертвом море.
Белые саваны, погребальные венцы.
Было скучно. Я смотрел в равнодушном горе
И все двигались, двигались мертвецы.

<Январь 1913>

III. НЕИЗВЕСТНАЯ РЕДАКЦИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ «БОЛОТНЫЕ ЧЕРТЕНЯТКИ»

ЧЕРТЕНЯТА-ДВОЙНИКИ

(Мокрая сказка)

Я прогнал тебя кнутом
В полдень сквозь кусты,
Чтоб дождаться здесь вдвоем
Темной пустоты.

Вот — сидим с тобой на мху
Посреди болот.

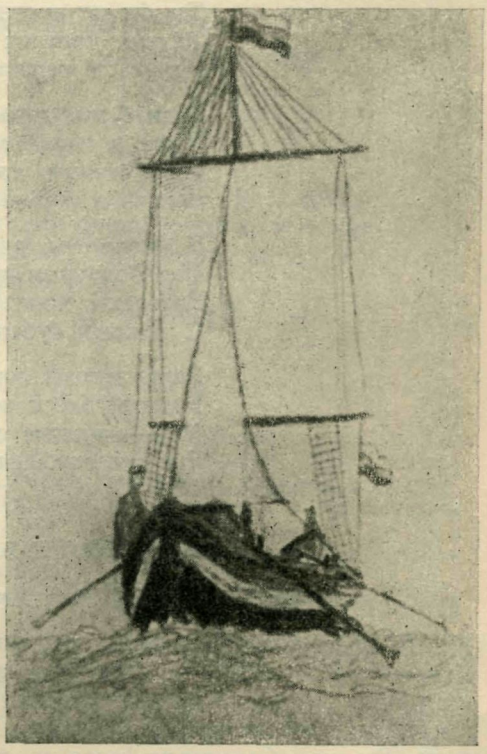

РИСУНОК АЛЕКСАНДРА БЛОКА
Собрание М. А. Бекетовой, Ленинград

Третий — месяц — наверху
Искривил свой рот.

Помни, нежить, я гляжу
Пустотой орбит.
Сказку мокрую скажу, —
Кто с тобой сидит.

Я, как ты, дитя дубрав,
Лик мой также стерт.
Тише вод и ниже трав
Захудалый чорт.

На дурацком колпаке —
Бубенец разлук.
За плечами — вдалеке —
Сеть речных излук.

«К устью! к устью!» — кличут пусть —...
Мы — в начале рек...
Оттого речная грусть
Не прейдет вовек...

Неотлучен ты и сам
От ночных работ...
Опрокинуться бы нам
В ржавчину болот!

Еслиб я хотел тонуть, —
Ты бы не пустил
Гадких капелек хлебнуть,
Кануть в мерзкий ил.

Если б ты, дурак, тонул, —
Я бы, в смрадном сне,
Ногу тонкую тянул,
Шарил в глубине...

И сидим мы, дурачки,
Над болотным мхом;
Зеленеют колпачки
С мокрым бубенцом...

Зачумленный сон воды,
Ржавый блеск волны...
Мы — забытые следы
Чьей то глубины.

<Январь 1905>

IV. ПИСЬМО К Б. А. САДОВСКОМУ

Многоуважаемый Борис Александрович.

На-днях получил я Ваше письмо, а сейчас окончил чтение «Русской Камены». Хочу написать Вам свое мнение: по-моему, эта книга настраивает душу лучше многих прекрасных стихов тем именно, что возвращает чистейшие юношеские переживания любящим поэзию, в частности — русскую. Вы, как бы, нашли фарватер среди мелей истории литературы и литературной истории. Для этого мало любви к истории только, или любви

к архивам и библиографии, но необходима живая любовь. Потому, я думаю, что Ваша книга, при всей своей целомудренной сдержанности (или, скорее, именно потому, что она этим целомудрием исполнена), — входит прямо в жизнь; оценки Ваши, в большинстве случаев, должны стать «классическими». Меня эта книга и научила и вдохновила, и многое мне напомнила. Ее свойство — напоминать не страшные песни «про древний хаос, про родимый», но шевелить те струны, которые поют: «О, нет, нам должно жить! Лучом и светлой пылью...» (следующую строку опускаю намеренно); за это последнее хочу поблагодарить Вас специально.

Очень запоминаются отдельные афоризмы и замечания (аналитически-острые), например: о творцах эпохи, эпиграфом жизни которых служит: «береги честь смолоду», о добродушии второстепенных талантов; замечание о поэте на стр. 145.

При всем этом, для меня стоят под знаком вопроса: решительное предпочтение Державина Ломоносову; гениальность задатков Веневитинова; резкое вычеркиванье гражданственности Полонского (защищать ее хоть одним цельным стихотворением я не возьмусь, но — она связана у него даже с «Царь-Девицей», не говоря об «Улеглася метелица». Это — трудный вопрос, может быть Вы здесь на минуту уступили свою живую любовь — любви к отчетливости книжной); — наконец, злой пафос статьи о Фете; эту злобу я люблю и понимаю, но она опасна; по ее пути легко дойти до абсурда; это — абсурд священный, но он выбрасывает за пределы жизни. А «должно жить». «Человеческое самолюбие» — говорите Вы о Фете. Эпитет легко может отпасть и замениться другим. Впрочем, и это последнее замечание — для меня под вопросом: мож[ет] быть, хорошо, что Вы так заострили именно заключительные слова книги — так ей легче врезаться в жизнь.

Сердечно преданный Вам
Александр Блок

6 декабря 1910

V. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

М. Г. г. Редактор.

Прошу Вас напечатать следующее мое заявление. Не смотря на то, что я не принимаю более участия в литературных вечерах, мое имя иногда печатается на афишах без моего согласия. Покорнейше прошу гг. устроителей более не делать этого. Примите и пр.

Александр Блок

<Январь 1908>

ПРИМЕЧАНИЯ

I. Ответ на анкету Союза деятелей художественной литературы печатается по принадлежащей мне машинописной копии, подготовленной для типографского набора (в 1918 г). Авторство Блока с полной точностью устанавливается из следующей неопубликованной заметки в его записной книжке № 56, датированной 13 мая 1918 г.:

«Письмо от Сологуба с предложением ответить на анкету професс[ионального] союза Ответив, я таки пошел на вечер...».

На следующий день Блок отослал свой ответ Ф. Сологубу при следующем, впервые публикуемом, письме.

14 мая 1918.

Дорогой Федор Кузмич,

вот мой ответ на анкету для газеты, за которым Вы предлагали прислать. Вместо этого, буду Вас просить прислать мне экземпляров 5 газеты вместе с рукописью.

Всего Вам хорошего
Ал. Блок.

Ответы писателей на анкету собирались Союзом деятелей художественной литературы для однодневной газеты «Пути возрождения России», намечавшейся к выпуску 19 мая 1918 г. под редакцией С. Кондорушкина. Газета эта в свет не вышла, и рукопись Блока возвращена ему Ф. Сологубом не была (ее нет в архиве Блока, не зарегистрирована она также в его автобиблиографии «Список моих работ»).

Между тем, эта небольшая заметка представляет значительный интерес, как один из самых характерных и страстных откликов Блока на Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Здесь нашли четкое выражение ненависть Блока к буржуазному либерализму и «гуманизму», глубоко присущее ему демократическое чувство любви к человеку («знание о социальном неравенстве») и принятие им пролетарской революции в аспекте анархо-максималистских представлений — как очистительной «стихии», как некоего мирового катаклизма, «мирового пожара», до тла сжигающего старый мир.

Те же самые мысли, что и в заметке, Блок развивал несколько позже в неотосланном письме к З. Гиппиус (датированном 31 мая 1918 г.): «Неужели Вы не знаете, что «России не будет», так же, как не стало Рима — не в V веке после рождества христова, а в 1-й год I века? Так же не будет Англии, Германии, Франции. Что мир уже перестроился? Что «старый мир» уже расплавился?» («Дневник Ал. Блока 1917—1921», Л., 1928, стр. 119).

Тема гибели Римской империи живо интересовала Блока именно в это время и была разработана им в очерке «Катилина», прочитанном в качестве лекции 18 мая 1918 г. В восстании, руководимом Катилиной, Блок открыл «стихию римского большевизма», родственную, по его мнению, «стихии» русской пролетарской революции, и проводил исторические параллели между загнивающим Римом эпохи его упадка и капиталистической Россией накануне ее крушения.

Столь же характерна для Блока его устойчивая нелюбовь к «политической экономии» и «публицистике», нашедшая свое выражение в публикуемой нами заметке.

II. Автопародии сообщены Б. А. Садовским по копии, снятой им в свое время с автографов Блока (ныне утраченных). Б. А. Садовской сообщает: «Зиму 1912 — 1913 гг. я провел в Петербурге; заведывал я тогда литературным отделом газеты «Русская Молва». По субботам бывали у меня журфиксы... сходились И. С. Рукавишников, А. А. Блок, А. И. Тиняков, М. А. Кузмин, А. А. Кондратьев, кое-кто из молодых писателей. Иногда мы пускались в литературные игры... В половине января 1913 г. состоялся вечер пародии; принял в нем участие и Блок... Перед тем, как прочитать [свои автопародии], Блок с улыбкой заметил: «Вот как я писал лет десять тому назад».

Субботы в середине января 1913 г. приходились на 12-е и 19-е числа; 12 января Блок, как видно это из его записи в дневнике, у Садовского не был, следовательно, автопародии можно условно датировать 19 января (в дневнике Блока события этого дня не отмечены; записные книжки, относящиеся к первой половине 1913 г., были уничтожены Блоком; отметим кстати, что под 16 января в дневнике Блока значится: «телеф[он] от Садовск[ого]», — очевидно, в этот раз Садовской и пригласил Блока на свой «журфикс»).

В обеих автопародиях Блок, нужно думать, не имел в виду какие-либо определенные свои стихотворения, а тонко пародировал самую манеру, в которой писал в молодости — темы и стиль своей лирики 1902—1904 гг.

III. Неизвестная редакция стихотворения «Болотные чертенятки» печатается по копии, снятой с автографа Блока (запись карандашом без помарок и исправлений), находившегося в архиве поэта и ныне затерянного. Сравнительно с общеизвестным текстом настоящая редакция имеет весьма существенные отличия. Прежде всего она значительно шире: пять строф (именно: третья, шестая, седьмая, восьмая и девятая) в общеизвестном тексте отсутствуют вовсе. В остальных строфах окончательная редакция дает следующие разночтения (не считая пунктуационных):

В первой строфе четвертый стих:

Тихой пустоты..

Десятая строфа:

И сидим мы, дурачки,—
Нежить, немочь вод.
Зеленеют колпачки
Задом наперед.

В одиннадцатой строфе второй стих:

Ржавчина волны.

Кроме того, в окончательной редакции изменено заглавие на «Болотные чертенятки» и снят подзаголовок: «Мокрая сказка». В таком виде стихотворение, датированное Блоком январем 1905 г., было напечатано в журнале «Вопросы Жизни» (1905, № 6), вошло — с посвящением А. М. Ремизову — в сборник «Нечаянная Радость» (1907) и без изменений перепечатывалась во всех изданиях второго тома «Стихотворений» Блока.

IV. Письмо к Б. А. Садовскому печатается с автографа, хранящегося в Литературном музее.

«Русская Камена» — сборник статей Бориса Садовского, изданный в Москве изд. «Мусагет» в 1910 г. В книгу вошли статьи о Державине, Денисе Давыдове, Веневитинове, Полежаеве, Бенедиктове, Мее, Полонском и Фете.

Про древний хаос, про родимый — цитата из Тютчева:

О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!

О, нет, нам должно жить! Лучом и светлой пылью — цитата из стихотворения Валерия Брюсова «Юргису Балтрушайтису» («Urbi et Orbi», отдел «Оды и послания», VIII). Блок цитирует ошибочно; у Брюсова:

Нам должно жить! Лучом и светлой пылью,
Волной и бездной должно опьянеть...

О творцах эпохи... — На стр. 24—26 «Русской Камены», в статье о Денисе Давыдове, идет речь об эпохе наполеоновских войн: «В самом деле, это была одна из замечательнейших эпох на всем протяжении мировой истории.. А в сущности главными деятелями великой эпохи были скромные Белкины и Гриневы, повесть жизни которых начиналась эпиграфом: «Береги честь смолоду».

О добродушии второстепенных талантов. — В статье о Полонском («Русская Камена», стр. 128) Б. Садовской писал: «Детская фантазия его добродушной Музы не уравновешена хитрым умом, а потому во всех творениях Полонского отсутствует полное чувство меры. Полонский был дитя своего времени, своей среды; возвыситься над общим течением он не мог и не умел. Он не сдержал тяжелого лаврового венца, не вынес бремени царственной своей порфиры — и отрекся от поэтического призвания в угоду толпе».

Замечание о поэте. — На стр. 144—146 «Русской Камены» читаем: «Представим себе идеального «поэта» в его, если так можно выразиться, чистом виде, отрешенного от жизни, как поэта только, вообразим его живущим одною прелестью звуков сладких и молитв, не ведающего искушений жизни, бродящего среди людей со взорами, обращенными к небу, и с песнями на устах. Общество поневоле должно будет посадить его если не в сумасшедший, то в рабочий дом, и будет право, как потому, что такой «поэт» явно не в состоянии ничего создать, кроме красивых слов, так и потому, что для легиона лиц, умеющих слагать стихи (а это ремесло слишком соблазнительно по своей легкости), открылся бы вернейший способ узаконить право на безделье. Но в том-то и дело, что всякий истинный поэт прежде всего есть человек, которому ничто человеческое не чуждо. Те люди, что в трудных случаях жизни опираются на поэтическую свою исключительность и, оправдывая ею свою слабость, стремятся убежать от жизненных тягот,— такие люди могут быть эстетами, дилетантами, артистами, даже художниками, но никак не поэтами. Прежде чем начать творить, поэт обязан многое пережить и, только претворив пережитое в поэзию, имеет право на звание поэта...».

Возражения Блока направлены против следующих оценок и высказываний Б. Садовского:

На стр. 7—8 он пишет: «...Невозможно равнять гремящие вдохновенные дифирамбы Державина с профессорски гладким строем Ломоносова. Там, где Державин парит, Ломоносов только воспевает».

На стр. 55 Б. Садовской пишет о «гениальном ребенке» Веневитинове: «Всматриваясь пристальнее в поэтическое его наследство, в оставшиеся нам от него первые юношеские пробы, замечаешь разлитое на них ровное розоватое горение, предшествующее всегда восходу великого светила».

В статье о Полонском (стр. 128, 131) Б. Садовской всячески подчеркивает, что Полонский «не уберег своего поэтического венка» и «запятнал» его, обратившись к гражданским темам, «чуждым искусству». Упоминаемое Блоком стихотворение Полонского «Улеглася метелица» печатается под заглавием «Колокольчик».

«Человеческое самолюбие» — говорите Вы о Фете. — На стр. 150 «Русской Камены» читаем: «Во всей фетовской поэзии несокрушимо преобладает спокойный и мудрый голос человеческого самолюбия. Силой духа поэт преодолевает и смерть, и время, и самую вечность; он никогда не жалуется и не боится. До него такой ясной примиренности с жизнью, такого уме-

ния владеть ею достигал в русской поэзии только Пушкин». Этот абзац Блок и называет «заключительными словами книги».

Для всех литературных выступлений Б. Садовского — как в художественных, так и в историко-литературных произведениях — характерно тенденциозное восхваление русской феодально-дворянской культуры. Статья о Фете, как и вся «Русская Камена», пронизана «злым пафосом» борьбы за «чистую поэзию», свободную от задач общественного служения, и в обратной перспективе направлена против оценок передовой радикальной критики 60-х годов. Статья о Фете написана Б. Садовским в апологетическом тоне и ставит задачей снять с этого «первого после Пушкина русского поэта» репутацию реакционера. В трактовке Б. Садовского Фет «обладал тем здравым смыслом, который дается в удел немногим первостепенным гениям», и этим «здравым смыслом» объясняется, по мнению Б. Садовского, крепостничество, монархические взгляды и камергерство Фета, вызывавшие столь резкое осуждение со стороны радикальной и либеральной критики.

По этой линии и идут возражения Блока Б. Садовскому. Именно в конце 1910 г., пережив «темную полосу убийственного опустошения», ознаменованную в его творчестве рецидивом антиобщественных и мистических настроений, Блок окончательно убеждается в «нераздельности и неслиянности искусства, жизни и политики» и в том, что «настоящее произведение искусства может возникнуть только тогда, когда поддерживаешь непосредственное (не книжное) отношение с миром». Вместе с тем, Блок в это время изживает в своем творчестве традиции эстетского индивидуализма и подвергает резкой критике теорию «искусство для искусства».

Поэтому, соглашаясь с Б. Садовским, что «всякий истинный поэт прежде всего есть человек», и подчеркивая свое «жизнелюбие», Блок возражает против тенденциозного восхваления Б. Садовским антиобщественной, «чистой» поэзии. Впрочем, самим Блоком все эти вопросы в то время еще не были решены окончательно. Недаром год спустя, в декабре 1911 г., упомянув в дневнике о «богатом материале для обвинения Садовского в том, что он оклеветал Пушкина, Д. Давыдова, Державина и Полежаева» (выхолостив из их творчества все общественное содержание), Блок заметил при этом, что Садовского судят «не со слишком широкой точки зрения, можно и надо спорить, не принята во внимание злоба Садовского, в которой есть творческое» («Дневник Ал. Блока 1911—1913», Л., 1928, стр. 61).

V. Письмо в редакцию печатается по тексту газеты «Свободные Мысли», 1908, № 37, от 21 января (вкладной листок). В автобиблиографии Блока «Список моих работ» это заявление не зарегистрировано и до настоящего времени не было известно. Незадолго до появления его, 9 декабря 1907 г., Блок сообщал матери: «Твое письмо о ненужности чтения на концертах совпало с большим вечером «Нового Искусства», после которого все мы... решили, что я больше читать не стану. Я отказываюсь категорически...» («Письма к родным», Л., 1927, стр. 184). Блок был принципиальным противником публичных выступлений литераторов своего поколения и своего круга, полагая, что «нельзя приучать публику любоваться на писателей, у которых нет ореола общественного, которые еще не имеют права считать себя потомками священной русской литературы».

На эту тему он подробно высказался в октябре 1908 г. в известной статье «Вечера искусств», осудив всяческие вечера, концерты и чтения, как своего рода «ячейки общественной реакции», участие в которых «есть дело, недостойное художника и гражданина» (см. газету «Речь», 1908, № 722, от 27 октября; перепечатано в Собрании сочинений, т. IX, М.-Л., 1936, стр. 66—70).